

Интервью руководителя ГСУ СК России по г. Москве А.Стрижова газете "Коммерсантъ"

«У нас нет разделения на громкие и не громкие дела»

Начальник ГСУ СКР по Москве рассказал об обычных расследованиях, которые имеют большой резонанс

Андрей Стрижов — руководитель самого крупного в стране следственного подразделения, главного следственного управления (ГСУ) СКР по Москве — рассказал начальнику отдела происшествий “Ъ” Максиму Варывдину, как громкое дело об исчезновении двух человек в центре столицы, расследуемое по статье «убийство» и едва не осложнившее отношения между Францией и Россией, закончилось хэппи-эндом; как девушка-следователь раскрыла целую систему финансирования террористов из пункта скупки подержанных телефонов и почему легче отдать деньги налоговикам, чем скрываться от следственных органов и оперативных служб.

— Как пандемия коронавируса повлияла на преступность в Москве? Со стороны кажется, что больше стало фактов домашнего насилия, жестоких и бессмысленных убийств?

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

— Каких-то явных скачков уровня преступности, в том числе связанной с домашним насилием, в столице зафиксировано не было. А отдельные тяжкие преступления, как я полагаю, стали громкими благодаря повышенному вниманию к ним СМИ, соцсетей и Telegram-каналов.

В условиях определенного информационного вакуума события, на которые раньше бы никто не обратил внимания, иногда раздувались до вселенских масштабов.

При этом по разным причинам в тени оставались истории, распутанные нашими следователями, которые могли бы стать основой для целых детективных романов, фильмов или телесериалов.

— Расскажите.

— В конце сентября прошлого года следователи ГСУ СКР поставили точку в самом, наверное, необычном уголовном деле, которое находилось в их производстве,— о неизвестном исчезновении в 2018 году на Казанском вокзале столицы россиянки Натальи Макаровой и ее полуторагодовалого сына Габриэля, имеющего российское и французское гражданства. Дело расследовалось как убийство двух лиц, возможно связанное с их похищением (п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК), а прекращено оно было в связи с отсутствием события преступления.

18 августа того года Наталья с мужем Себастьяном Комбакалем и его родителями вернулась из поездки в Чувашию, где до этого жила. В тот же день они все вместе должны были вылететь во Францию — в городе Истр за полгода до этого был приобретен дом для молодой семьи. Пока выгружали вещи, Наталья сказала, что пойдет за такси, и, взяв ребенка, исчезла. С помощью жестов и онлайн-переводчика французам удалось сообщить транспортной полиции о происшедшем, а потом благодаря родственнице, проживавшей в Подмосковье, подать заявление о преступлении. Через четыре месяца в подразделение СКР из полиции поступили материалы проверки, в которых были фрагменты видеозаписей с двух камер видеонаблюдения, зафиксировавших, как Макарова с ребенком направляется к выходу из вокзала и спускается на станцию метро «Комсомольская». Потом был найден ее телефон со стертой памятью и без сим-карты, который следствию ничего не дал.

— Какие версии были у следствия?

— Следует отметить, что первоначально они исходили в основном от мужа Натальи. Комбакаль даже пытался действовать самостоятельно. Решив, что к исчезновению причастны родственники Макаровой, нанял адвоката, который вместе со знакомым приехал к ним в село Красные Четаи, однако ни молодой женщины с ребенком, ни их следов обнаружить не удалось.

— Но есть же современные системы контроля, наблюдения, установленные не

только в Москве, но и других городах?

— Расследование не приостанавливалось, мы продолжали анализировать поступавшие ответы из абсолютно всех государственных органов и частных организаций (служб такси, перевозчиков, различных работодателей, агрегаторов сетевой информации). Круг поисков расширился: назначались судебные экспертизы по признакам возможного экстремизма в обнаруженной у Макаровой литературе; был выделен ДНК-профиль матери и ребенка, чтобы их установить среди неопознанных трупов, а различные ориентировки, поручения и запросы направлялись по всей России.

— Соцсети изучали?

— На определенном этапе внимание было сфокусировано на группах в социальной сети «ВКонтакте», которыми интересовалась Макарова, установлены лица, которые их вели. Выявлена даже псевдоправославная религиозная община в Псковской области, в которой с высокой степенью вероятности могли находиться Макарова с ребенком. Более двух десятков сотрудников силовых структур прибыли в деревню, в которой проживала община, однако каких-либо следов Натальи не оказалось и в ней.

— Как часто бывает, раскрыть дело помог случай?

— Конечно, удача в следственной работе не помешает, но хочу вас заверить, что все «случайности не случайны». Изучая переписку Макаровой за год, предшествовавший её исчезновению, следователь обратил внимание на сообщение: «Не помнишь ли церковь, куда мы ездили с Сашей?» Его автором была некая Катя, никак не вписывавшаяся в близкий круг общения Макаровой.

Куда они ездили, подруга, которую с большим трудом удалось найти, так и не вспомнила, передав следствию лишь фото Александра, который, по ее словам, являлся ухажером Натальи. Мужчина был установлен в марте 2020 года. На допросе он сообщил информацию, позволившую установить маршрут передвижения свидетеля. Затем следственно-оперативная группа проследовала в село Баскаково Гагаринского района Смоленской области, где была обнаружена церковь, подпадавшая под его описание. После этого в селе был проведен подомный обход и найдены очевидцы, которые по фото опознали Макарову, сообщив, что она являлась прихожанкой местной церкви. Свидетели также сказали, что Наталья с сыном, которого она называла Гавриилом, жила у престарелой женщины по имени Надежда.

— Как в кино!

— Последняя сообщила, что приютила Наталью по просьбе местного старца. Жили они на пенсию и за счет подсобного хозяйства, но в марта 2020 года Макарова без ее ведома куда-то ушла.

О себе Наталья, по ее словам, рассказывала мало, но говорила, что если ее найдут, муж отберет у нее ребенка.

Через несколько дней женщина, скрывавшая, что у нее есть мобильный телефон, позвонила своим московским родственникам, сообщив, что «искали нашу Наташу».

Все эти родственники были установлены, но Макаровой у них не оказалось. Однако один из них сообщил, что в Смоленской области у Натальи есть племянник, который может знать о Макаровой. Когда приехали к нему, мужчина сразу сообщил, что перевез Наталью от Надежды к другой прихожанке церкви по имени Люба, и показал ее дом в деревне Величково того же Гагаринского района. Когда туда приехали следователи, Макарова с ребенком в пруду стирала вещи.

— Очевидно, возникли сомнения в ее адекватности?

— Макаровой были разъяснены все последствия ее безвестного исчезновения и необходимость участия во всех следственных действиях и экспертизах, на что она дала свое полное согласие, отметив, что боится только потерять ребенка. Эксперты пришли к выводу, что женщина полностью здорова, а ее уход из семьи был связан не с религиозными убеждениями, а некорректным поведением супруга. Сейчас Наталья с сыном проживает у родственников в Чебоксарах. Женщина работает. Не так давно Комбакаль приехал в этот город, снял квартиру и пытается восстановить семью.

— Из так называемых преступлений прошлых лет наверняка особняком стоит убийство Шабтая Калмановича, которое расследовали ваши подчиненные. В нем обвиняются выходцы из Ингушетии, однако мотив преступления остался в тени, это был заказ?

— Генеральный менеджер женской сборной России по баскетболу Шабтай фон Калманович был известной и медийной личностью, поэтому и возник большой общественный интерес к расследованию его убийства. В СМИ периодически всплывали факты или, как вы любите говорить, эксклюзивные детали расследования. Но с реальной информацией по делу это не имело ничего общего.

Круг подозреваемых, очерченный следствием, изначально был достаточно широк. Допрашивались и родственники Калмановича. Расследование несколько раз приостанавливалось и возобновлялось — в последний раз в связи с оперативными данными о причастности к преступлению определенных лиц. Было проведено около 30 допросов свидетелей в различных субъектах Российской Федерации — в Ингушетии, Чечне, Архангельской области и других; назначены и проведены дактилоскопические, молекулярно-генетические, баллистические судебные экспертизы. Это позволило установить предполагаемых исполнителей убийства Шабтая фон Калмановича и покушения на его

водителя, совершенных в 2009 году.

Следствием доказано, что каких-либо взаимоотношений, в том числе деловых либо личных, между потерпевшими и обвиняемыми Тумгоевым, Белхороевым и Костоевым не было, а преступление они совершили по найму. Тумгоев и Белхороев — выходцы из клана так называемых баталхаджинцев.

Отмечу, что последователи этого клана обвиняются в совершении и других особо тяжких преступлений как на Северном Кавказе, так и в Москве. Фигуранты «нашего» дела свою вину пока не признают. Расследование, в том числе в отношении заказчиков и организаторов преступления, продолжается, дело в их отношении выделено в отдельное производство.

— В столице была раскрыта целая сеть, финансировавшая сирийских террористов. Насколько мне известно, громкое дело расследовала девушка-следователь, как так получилось?

— У нас в управлении, наверное, как и у вас в редакции, нет разделения сотрудников по гендерному признаку. Также нет разделения на громкие и не громкие дела. Все преступления расследуются одинаково скрупулезно и профессионально.

Но я понимаю ваш интерес к данному делу, так как в общественном сознании не всегда укладывается тот факт, что хрупкая девушка лично участвует почти в двух десятках задержаний особо опасных преступников, в том числе в Северо-Кавказском федеральном округе. А началось это расследование с того, что в ГСУ СКР из ФСБ поступил материал в отношении некоего Алима Бегиева, содействовавшего террористической деятельности. Проверку я поручил следственному отделу, по ее результатам следователь Альбина Брагинская возбудила в отношении Бегиева уголовное дело по соответствующей ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Следует отметить, что ранее Бегиев неоднократно задерживался правоохранительными органами, но доказать его связь с запрещенной в России террористической организацией «Исламское государство», а тем более финансирование его участников, не удавалось.

— Почему?

— Как правило, доказательством этого являются прямые переводы денег участнику ИГ или связанным с ним лицам, которые совершает обвиняемый. У Бегиева таких переводов не было. Тем не менее следствие установило, что Бегиев, устроившись продавцом дешевых телефонов в торговый центр «Горбушка», организовал целую систему, благодаря которой в Сирию были отправлены миллионы. Обладая лидерскими способностями, определенными познаниями в религии и умением убеждать, Бегиев довольно быстро добился авторитета среди выходцев с Северного Кавказа, как работающих в ТЦ, так и посещавших его. В результате помимо торговой точки, являвшейся прикрытием его противоправной деятельности, в «Горбушке»

была открыта молельная комната, где Бегиев проводил проповеди среди земляков, убеждая их жертвовать деньги на «борьбу с неверными».

— Как эти деньги оказывались в Сирии?

— Собранные средства он передавал так называемому брокеру, который далее по системе «хавала» отправлял их на территорию, подконтрольную ИГ. В свою очередь Бегиев получал от «брокера» секретный код, слово или цифры, который через Telegram передавал боевикам. Используя код, они получали наличные в Турции или Сирии у других «брокеров», при этом никаких документов от них не требовалось. Кроме того, Бегиев оказывал помощь девушкам, которые хотели выехать в Сирию для участия в ИГ, покупал им билеты, помогал с поддельными документами — эти случаи также были выявлены следователем. Расследование осложнялось тем, что после задержания Бегиева его сообщники разъехались по России, в основном вернувшись на Северный Кавказ, а некоторые и вовсе через Белоруссию покинули страну. Тем не менее было установлено, что большинство этих людей не просто платили деньги террористам, они дали клятву ИГ (сам Бегиев рассказывал, что присягнул Аль-Багдади — одному из основателей террористической организации. — “Ъ”), а выехать в Сирию не смогли в силу разных причин, в том числе из-за пожилых родителей, но готовы были действовать у себя на родине. Фигурантами дела стали 16 человек, большинство из них уже осуждены на сроки от 4 до 12 лет, но расследование продолжается, так как выявляются новые эпизоды преступной деятельности.

— В прошлом году в столице было совершено несколько нападений на сотрудников правоохранительных органов, в том числе покушение на двух инспекторов ДПС на Ленинском проспекте, вызвавшее большой общественный резонанс. Это были преступления террористической направленности?

— Расследования преступлений, совершенных в отношении сотрудников правоохранительных органов, находятся на моем личном контроле. 15 июня прошлого года, когда на Ленинском проспекте было совершено покушение на полицейских (их неожиданно обстреляли из травматического пистолета. — “Ъ”), я вместе с опытными следователями и криминалистами выехал на место происшествия. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что нападавший Ратмир Галаев (скончался через несколько дней от полученных в ходе задержания ранений) — уроженец Ингушетии, учившийся в Москве в РУДН, откуда его отчислили в 2013 году за грубое нарушение правил проживания в общежитии, в том числе хранение и использование пневматического оружия, запрещенного к обороту в вузе. Опрошенные нами бывшие сокурсники Галаева утверждали, что часто видели его в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, кроме того, он выделялся среди остальных студентов вспыльчивостью и неадекватными реакциями, которые, очевидно, стали следствием полученных им в результате драк и ДТП черепно-мозговых травм.

Примерно за полгода до совершения преступления друзья и члены семьи стали замечать, что

Галаев начал проявлять фанатичный интерес к религии, при этом он утверждал, что слышит и понимает голоса птиц и является посланником высших сил...

Согласно выводам назначенной следствием посмертной психолого-психиатрической судебной экспертизы, Галаев в момент нападения на полицейских страдал психическим расстройством.

— В прошлом году вы лично возбудили, наверное, десятки уголовных дел в отношении адвокатов и других спецсубъектов. Чего не хватало защитникам, которые, возможно, имели миллионные гонорары?

— Далеко не все защитники получают суммы, о которых вы говорите, но многие хотят. А если серьезно, не хочется бросать тень на все адвокатское сообщество, но среди защитников, как и в любой профессиональной среде, встречается немало случайных людей, которые получают адвокатский статус иногда лишь с целью дальнейшего обогащения, в том числе и мошенническим путем. А ради сиюминутных интересов, легкой наживы готовы на любые ухищрения, в том числе нарушения закона и норм профессиональной этики. И такие люди уделяют больше внимания своим гонорарам, чем защите прав подзащитных. В то же время адвокатские палаты не уделяют должного внимания контролю за деятельностью своих членов. Чрезмерная самостоятельность и свобода действий, а также доверчивость граждан часто способствуют совершению преступлений.

При этом некоторые адвокаты полагают, что «решить вопрос» проще, а самое главное, выгоднее, забывая или отказываясь думать, что в таком случае они сами становятся субъектами, только уже не спец-, а уголовного дела. Например, в сентябре 2019 года адвокат Светлана Сантимер, незадолго до этого получившая указанный статус, была задержана при получении денежных средств и их муляжей в общей сумме \$100 тыс., предназначенных якобы для дальнейшей передачи должностным лицам правоохранительных органов за прекращение уголовного преследования ее клиента. Вступившим в законную силу приговором адвокат признана виновной в мошенничестве и осуждена на два с половиной года заключения. Также в управлении завершается расследование ряда аналогичных преступлений.

— Однако в самом адвокатском сообществе зачастую уверены, что их коллеги, неудобные для правоохранительных органов, становятся жертвами провокаций, в том числе с использованием агентов спецслужб!

— Обоснованность уголовного преследования любого гражданина, а тем более представителя адвокатского сообщества, проверяется самым тщательным образом, в том числе руководством следственного органа и надзирающей за следствием прокуратурой.

Большинство потерпевших по адвокатским делам — это их клиенты. Наверное, они стали более разборчивыми в финансовых вопросах, и когда защитники предлагают порешать, отнести кому-то определенную сумму, многие из них полагают, что лучше обратиться в

соответствующие органы, которые проверят, куда и сколько донесут.

И дадут правовую оценку деятельности такого защитника. То есть в принципе это может свидетельствовать о том, что люди стали гораздо сознательнее.

— В Москве зарегистрированы многие крупнейшие налогоплательщики, какова динамика преступлений в этой области?

— Уровень налоговой преступности за последние три года в количественном выражении понемногу снижается. Если в 2018 году было возбуждено 243 уголовных дела о налоговых преступлениях, то в 2019 году их было 236, а в истекшем году — чуть более двухсот. В целом это обусловлено последовательной либерализацией налогового законодательства — за последние годы существенно увеличились нижние пороги криминальных сумм недоимок, вследствие чего сократилось количество направляемых налоговыми органами и оперативными службами материалов в следственные органы. Только в 2019 году из налоговых органов поступило на 42 % меньше материалов, чем в 2018 году. При этом благодаря системной работе наших следователей в бюджет государства было возмещено около 9 млрд руб.

— Периодически сообщается, что обвиняемые добровольно погасили недоимки, а что для этого делается? Маски-шоу в офисе?

— Хочу подчеркнуть, что обыски или иные следственные действия не могут быть использованы и никогда не используются нашими сотрудниками как средства побуждения недобросовестных налогоплательщиков к возмещению ущерба.

Действующее законодательство предусматривает возможность прекращения уголовного преследования и уголовного дела в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, однако это возможно лишь с согласия самого подозреваемого (обвиняемого), поэтому следователи прежде всего разъясняют лицам с указанным процессуальным статусом положения данных норм. Например, благодаря такой разъяснительной работе после выплаты в бюджет 800 млн руб. с учетом пеней и штрафов было прекращено уголовное дело в отношении генерального директора крупной строительной компании АО «Ренейссанс Констракшн», обвиняемого в неуплате налогов в особо крупном размере. При отсутствии у неплательщиков желания возмещать недоимку по налогам производство по делу продолжается в обычном порядке, поэтому такие уголовные дела расследуются как и любые другие, которые планируются к направлению в суды.

— Вы согласны с утверждением, что следствие должно быть ориентировано на раскрытие знаковых преступлений?

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

— С коллегами из ФСБ и МВД у нас ведется планомерная работа, которая заканчивается крупными реализациями, но, наверное, сказать, что это такие дела, которые затмят все другие, я не могу. Да и не мне оценивать, какое из дел громче и круче — скорее это работа для журналистов и общества, а для меня и моих коллег важен сам факт раскрытия преступления, осуждение виновных в нем лиц, возмещение ущерба и безусловное соблюдение при этом всех прав как фигурантов расследования, так и участников будущего судопроизводства.

Текст : Максим Варывдин

-

14 Января 2021

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1529067>